

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

В НОМЕРЕ:

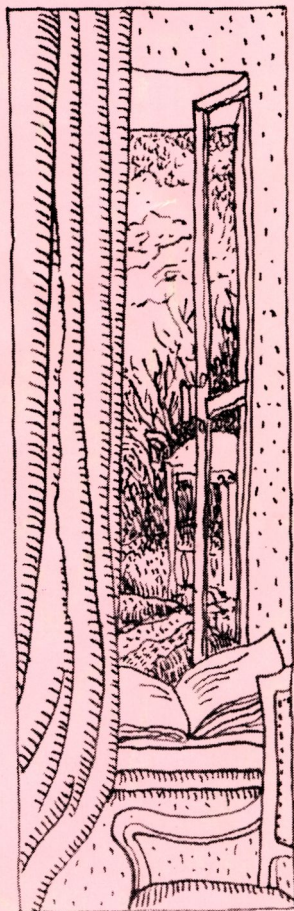
ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ХОЗЯЙСТВО ПРИ И. СТАЛИНЕ: ИДЕИ И
РЕАЛЬНОСТЬ

№6(24)

И.Т. ПОСОШКОВ —
НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ
РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.В. ИНШАКОВ, Д.П. ФРОЛОВ

Институционализм в экономических воззрениях
И.Т. Посошкова

Институциональное направление в экономической мысли России сложилось только в XIX в., но компоненты институционального подхода к изучению отечественной хозяйственной системы появились значительно раньше. Формирование в трудах отечественных мыслителей элементов экономического институционализма и начало их теоретического осмысления вполне оправданно связать с периодом XV—XVII вв., когда активно укреплялись институты российской государственности, интенсивно строилась сословно-иерархическая функциональная структура общества, осуществлялись масштабная спецификация и унификация правовых усло-

вий хозяйствования. Под институтами нами понимаются формы социального закрепления функций хозяйственной деятельности за ее субъектами, что формировало индивидуальные социальные типы и статусы в иерархической структуре общества, сообщества, группы.

Отличительной чертой ранних этапов становления институциональных отношений в хозяйстве России является образование особого комплекса выражающих институты однородных понятий. Как показали проведенные нами междисциплинарные исследования, последние обладали даже общей лингвистической формой в виде существительных, оканчивающихся на «ство», что соответствовало традиции древнерусского языка и сохранилось в течение веков в литературном и живом русском языке до наших дней. Поэтому такие понятия в последующем изложении будут выделены курсивом как оригинальных цитируемых текстах, так и в их авторском анализе.

В годы правления Петра I (1689—1725) была произведена тотальная «имплантация» зарубежных институциональных и организационных форм, развитие экономики России оказалось под мощным влиянием опыта западных стран. Это послужило импульсом для осмысления сути и разработки специфической системы институций для отечественного *хозяйства*. Несмотря на отсутствие теоретически строгой институциональной концепции, одним из первых оригинальных русских институционалистов, осознавших значение институций как социальных форм дифференциации, интеграции и закрепления хозяйственных функций, следует признать И.Т. Посошкова. Ему принадлежит хотя и во многом интуитивное, но достаточно развитое представление о сложном взаимодействии социально-экономических институций различных сфер жизни российского *общества* в начале XVIII в., которое создает возможность научного осмысления отечественной хозяйственной истории с позиций современного институционализма.

В «Книге о скудости и богатстве» (1724), явившейся обобщением его огромного жизненного опыта и раздумий, особое внимание уделяется институтам *крестьянства* и *купечества*, наиболее важным для экономического процветания *общества* в конкретно-исторических условиях феодализма. Являясь убежденным защитником специфических ассоциированных интересов купеческого сословия, И.Т. Посошков ясно представлял и осознавал его значения для укрепления *государства*, реализации конкурентных преимуществ посредством продажи отечественных товаров на внешних рынках, привлечения в страну передового опыта и товаров (прежде всего производственного назначения) из других стран. «Без

купечества, — писал он, — не токмо великое, но ни малое *царство* стоять Не может». *Государству*, считал мыслитель, следовало сформировать и подключить механизмы защиты агентов данной институции как на внешнем уровне («от обидчиков посторонних»), так и на внутреннем («между собою друг бы друга не обидели»), а также блюсти чистоту их радостей: «и в *купечество* их иночинные люди отнюдь бы не вступали и *помешательства* ни малого им не чинили, но дать им торг свободной, дабы от торгов своих сами полнились и его и. в. (императорского величества. — О. И., Д. Ф.) интерес умножали»; тогда крестьяне будут и сыты, «и будет жизнь их святою» [1,192]. Таким образом формировались представления об институциональных требованиях к агентам, правилах и нормах, сословных ограничениях в институтах феодального общества.

Ускоренная интеграция агентов в рамках институции *купечества* была особенно необходимой ввиду сильной международной конкуренции. Отсутствие социализированных норм доверия, ответственности, честности, порядочности и т. п. в торговой сфере мешало формированию кооперативных, отношений *партнерства* в среде купцов, не позволяя раскрыть потенциал и скрытые резервы различных форм экономического *сотрудничества*. «*Купечество* у нас в России, — сетовал И. Т. Посошков, — чинища вельми неправо: друг друга обидит, товары худые закрашивают добрыми и вместо добрых продают худые и цену берут непрямую, и между собою *союзнства* ни малого не имеют, друг друга ядят, и тако вси погибают, а в зарубежных торгах *компанства* между собою не имеют и у иноземцев товары покупают без согласия своего *товарищества*». Кроме того, мыслитель сделал ряд замечаний о высоком социальном эффекте интеграции в рамках многонационального общества с целью формирования единого хозяйственного *пространства* на базе православия; в этих целях оправданным признавалось даже применение механизмов принуждения: «а чаю, — писал он, — не худо указ послать и в низовые города, чтобы у мортвы (мордвы. — О. И., Д. Ф.) детей брать и грамоте учить отдавать, хотя бы и насилно... выучат грамоте, познают святую христианскую веру, возжелают и креститься» [1,248].

Для повышения эффективности институции *купечества* в условиях феодальной социальной системы И. Т. Посошков предлагал конкретную форму организации купцов — единую торговую компанию («*компанство*») с задачей их интеграции независимо от масштаба коммерческой деятельности, то есть основываясь на принципах социальной справедливости. «Ее цель не только держать выгодные для русских высокие цены на вывозимые товары, но и вести внешнюю торговлю» [3]. И. Т. Посошков

также рекомендовал поощрение в купечестве взаимопомощи, допуская и поддержку государственной казны (*казначейства*).

Понятием «сословная институция» будем обозначать социальную форму закрепления определенной функции акторов хозяйственных процессов феодального *общества*, отраженную в его социальной структуре и формализованную в сословном праве (например, *дворянство, купечество, воинство, крестьянство, духовенство* etc.) [3; 4]. И. Т. Посошков призывал к чистоте и единственности сословной институции для человека, говоря: «и как жить, так надлежит и слыть... аще воин, то воин и Да будет» [5, 114]. Естественно, что институция другой сословной функции практически всегда вела к «откреплению» предыдущего сословного социального статуса. В этом заключалось серьезное отличие сословных институций от «несословных», поскольку, например, утрата статуса в сословной институции *купечества* автоматически не ведет к потере статусов таких «несословных» институций, как *родство, подданство, старшинство, землячество, соседство или христианство*.

Реализуясь в качестве агента какого-либо института, индивид получает и поддерживает конкретный социальный статус, на основании которого выполняет определенный комплекс социальных ролей в процессе хозяйствования и осуществляет экономические взаимодействия в соответствии с набором атрибутов конкретной институции (ее правил, норм, регламентов, обычаев, обязанностей и т. п.). В своем пространственно-временном континууме любой индивид может быть агентом бесконечно большого числа институций. Однако в петровские времена первостепенное значение придавалось дифференциации сословий, поэтому за переходом из одного сословного института в другой следовало оставление предыдущего: «буде кто, коего чина нибудь, аще от синклита, или от афицеров или от дворянства или и из приказных людей или церковные причетники или и крестьяня похотят торговать, то надлежат им прежней свой чин оставить и записатца в *купечество* и промышлять уже прямым лицом, а не пролазом и всякие торги вести купеческие с платежей пошлин и иных каких поборов с купечества равно со всем главным купечеством» [1, 193]. И. Т. Посошков выступает за чистоту сословий *духовенства, офицерства, дворянства, чиновничества, крестьянства, купечества*, определяя экономический механизм перехода из одной сословной институции в другую. Причиной этого главным образом были меркантильные интересы, поскольку агенты некупеческих институций не уплачивали пошлин. Совмещение сословных институций в одном агенте становилось неэффективным с позиций феодального по сути государства.

И.Т. Посошков актуализировал проблему неопределенности поборов крестьян, значительно снижавшей эффективность их труда за счет увеличения транзакционных издержек. Ключ к решению проблемы он видел во взаимодействии институций различных уровней. *Крестьянство*, по его мысли, должно было охраняться *государством*, как более масштабной институцией, стоящей выше в системной иерархии и связанной с *мошришеством*, *царством* или *императорством*. И.Т. Посошков отмечал, что «крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их и берегут, а прямой им владетель всероссийский Самодержиц, они владеют временно» [1,255]. Крестьяне должны были Получить широкие возможности по отстаиванию своих законных интересов, контроль за чем следовало возложить на учреждения судебной системы (*судейство и судопроизводство*). И.Т. Посошков подчеркивал необходимость институционального регулирования налоговых изъятий путем унификации податной единицы, поскольку существовало чрезвычайно большое их число (сборы проводились по воротам, по дыму, по душам, по сохам и т. д.) и в зависимости от индивидуального выбора помещика менялись объем и форма платежей. Для внесения стабильности в сфере налогообложения необходимо было институционально закрепить размер барщины и оброка и запретить взимание сверх установленной меры: «не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом охранять, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже кресгьянинское *богатство*—*Богатство* царственное» [1,254].

Фактически рекомендуя расширить возможности устойчивого хозяйственного развития *крестьянства* за счет спецификации правомочий собственности методами, формами и инструментами государственной институциональной регламентации договорных отношений, И.Т. Посошков пояснял: «а буде ж кой крестьянин могутен, а земли ему от помещика отведено малое число и он мочью своею наймет земли у иного помещика и на той наемной земле высеет хотя четвертей десять или болши, и тое земли к дворовому числу не причитать и государевой подати никакой с той наемной земли не платить, потому что с тое земли будет платить помещик, который тою землею владеет. Такжеде и помещику своему ничего ж с тое пашни не платить же, а платить тому помещику по договору деньгами или снопами у коего ту землю нанял» [1,257]. Успешные представители *крестьянства* получали тем самым возможности реального укрупнения и пространственной рационализации своего *хозяйства* на основе упорядочения транзакций посредством заключения договоров (т. е. контрактов). Таким образом, на практике формировались предпосыл-

ки будущих постфеодальных институций *предпринимательства, наемничества, арендаторства*.

На страницах «Книги о скудости и богатстве» предлагались разнообразные институциональные новации, связанные, в частности, с трансформацией институций *судопроизводства*: проект установления равного для всех сословий *судейства*, идея о составлении нового судебника с участием Земского собора (как организационной формы *земства*) или особой комиссии, включающей также представителей крестьян и др. [6,405].

Обосновывалась необходимость статуйирования полного срока обучения, подтверждаемого наличием отпускного письма от мастера, т. е. разрабатывалась процедура сертификации *ученичества к мастерства* как особых профессиональных институций: по мнению И.Т. Посошкова, следовало издать «гражданский указ, еже бы им из самого качала учиться постоянно жить, давшись к мастеру в научение, жить до уреченного срока, а не дожив не то, что года, но и недели не дожив, прочь не отходить, и не взяв отпускного письма и после сроку з двора не сходить, то бы все мастера не в том бездельном порядке были, но совершенными мастерами бы были» [1,216].

В своем сочинении И.Т. Посошков подчеркивал важность регламентации института *священства* («*презвитерства*»), поскольку недостаточное развитие человеческого капитала его агентов (тотальная безграмотность, распущенность, *пьянство*) существенно ослабляли интеграционную функцию *православного христианства*, которой иногда утрачивало позиции в конкуренции институциональных субъектов религиозной сферы. «От презвитерского небрежения, —негодовал И.Т. Посошков, —уже много нашего российского народа в погибельные ереси уклонилось. А вся сия гибель чинится от презвитеров, ибо не токмо от люторские (лютеранство. —*О.И., Д. Ф.*)или отримския ереси (ереточество. —*О.И., Д. Ф.*), но и от самаго дурацкаго раскола не знают чем оправити себя, а их бы обличить и научить, как им жить и от пропасти адские како им избыты» [1,106—107]. Поэтому высказывалась необходимость институционально закрепить соответствующие сословные ограничения, «положить... недвижимый предел: буде кой человек школьного учения не принял, таковы бы отнюд во презвитеры и в дьяконы не посвящати» [1,108].

Через всю книгу проходит стержневая мысль об укреплении институций государственного *устройства*, и все предлагаемые меры служат именно этому. По целому ряду вопросов И.Т. Посошков стоял выше западных меркантилистов своей эпохи, скажем в анализе *богатства* (представляющего собой по сути экономическую институцию, специфичес-

кий социальный феномен, связанный с развитием человеческого *хозяйства* и *общества*), в котором он особо выделял неведущую составляющую. В своих сочинениях И.Т. Посошков постоянно подчеркивал, что для укрепления государственности и самодержавия необходимо увеличение этого нематериального компонента *богатства*, обозначавшейся им как «истинная правда»: «правда, — писал он, — велми *богатство* и славу умножает» [5, 14]. Высшая ступень *богатства* в обществе наступает тогда, по его мнению, когда правда глубоко укореняется в его членах, определяет социальное согласие и «умирение». В этом проявилось его стремление к *правдоискательству*.

Понятие «правды» у И.Т. Посошкова включает, по мнению Л.И. Зайцевой, три существенных компонента — порядок, гармонию и согласие [2, 18]. Однако, если отвлечься от религиозных моментов, непосредственно определявших ориентиры его размышлений, то понятие «правда» фактически представляет собой неосознанную актуализацию значимости институционального фактора во всех проявлениях бытия хозяйственной системы, включая нравственно-ценностный аспект эффективности ее функционирования. И.Т. Посошков отмечал, что «неправда» есть то состояние, когда на «обидников» нет суд а, особенно если «обидник» состоятельный человек или из высшего сословия, «понеже в нас неправда велми твердо вкоренилась: кто с кого сможет, тот с того и давит» [2, 23].

Рассмотрим составляющие такого понимания «правды» в современной интерпретации более подробно. Под порядком фактически понимается функционирование процесса *воспроизводства* хозяйственной системы на основе четко дифференцированных социальных статусов и ролей, интегрирующих институциональных агентов. «Порядок — это когда каждый член большого Дома, строго по своему «чину» выполняет данные ему от Бога обязанности по отношению к Богу, Царю и членам этого «Дома» [2, 18].

Гармония в контексте и де й И.Т. Посошкова — включение в процессы развития экономической системы ассоциированных субъектов всех масштабов и уровней, заключающееся в том, чтобы «все люди в равной степени принимали участие в отечественном *«домостроительстве»* — создании сильного российского Дома: как высшее сословие, так и низшее; как самые «славные», так и «самые безславные и маломочные» [2, 19].

Согласие подразумевает разделение и принятие членами данного общества социализированных интегрирующих норм толерантности, взаимного доверия и эмпатии на базе ценностной модели православного *христианства*.

И.Т. Посошков акцентировал внимание на факторах, создающих базу увеличения институционального капитала *общества*: в «Книге о скудости и богатстве» говорится, что «просвещенное и образованное *духовенство*, отвечающее за небесную жизнь русского человека и готовящее его к ней на земле, воспитывая его в христианских добродетелях, непобедимое *воинство*, защищающее земную жизнь русского человека, и "*прямое правосудие*" (судопроизводство.—*О.И., Д. Ф.*) суть три фактора, создающие в большом Доме России истинное невестественное богатство — "богатство-правду"» [2,24].

Забота о развитии отечественного *хозяйства*, осознание необходимости достижения «общаго блага», стремление к согласованию интересов государственных и общественных были свойственны всем отечественным институционалистам в период меркантилизма. Такой подход все же следует признать упрощенным вследствие узкого понимания противоречивости интересов отдельных сословий и верховной власти в российском *обществе* того времени, прямого отождествления или искусственного разделения этих интересов. Исходя из сословно-институционального подхода, укрепление централизованного российского *государства* должно было обеспечиваться все большим перекладыванием налогового бремени на *крестьянство*. Только в конце XVII в. была выдвинута идея о необходимости внедрения альтернативного механизма налогообложения разных социальных групп.

Вместе с тем у И.Т. Посошкова возникла идея использования институционального механизма, основанного на общественной эксплуатации доходов от земельной ренты. Вдумаем: пророческие слова русского мыслителя: «российское *царство* на пространней месте стоит... *пространства* земли в нем толико, еже и исчислити невозможно, а несть снее ни малого особливаго собрания. А еще бы с нея учинен платеж по ней и самой малой..., то и одного и земляного платежа миллионное собрание бы было и было бы оно недвижимо (постоянно.—*О.И., Д. Ф.*). Земля самый гобзовитый (щедрый.—*О.И., Д. Ф.*) данник ему, великому нашему монарху, было бы и никогда измены бы ему не было. И еще прямо вся собрания исправятся (справятся.—*О.И., Д. Ф.*)... то тако мочно нашему великому государю довольну казною быть и без наметных поборов» [1, 105]. Таким образом, предлагался переход к преимущественно рентной системе формирования государственного дохода, за счет которой появлялась возможность снижения или полной отмены других крайне обременительных видов налоговых платежей. Эта идея в наше время получила новое воплощение на совершенно ином качественно уровне в отечествен-

ной концепции национального имущества и национального дивиденда академика Д.С. Львова [7].

Многие другие идеи И.Т. Посошкова раскрываются по-новому в ракурсе теоретических конструкций современного институционализма. Естественно признать полезность его концепции для развития российской школы институциональной экономической мысли. Хотя, к сожалению, его сочинения не оказали существенного влияния на хозяйственную практику и политику Петра I (доподлинно вообще неизвестно, успел ли самодержец хотя бы ознакомиться с «Книгой о скудости и богатстве»).

Изучение институционального аспекта учения И.Т. Посошкова позволяет глубже понять его как мыслителя неординарного, глубокого и чрезвычайно одаренного, являвшегося в полном смысле человеком эпохи реформ начала XVIII в., пытавшегося понять устройство хозяйственной системы и совершенствовать его, чувствовавшего себя сопричастным происходившей «Великой трансформации» (в терминологии К. Полаanyi) и всю свою долгую бурную жизнь болевшего душой за Российское государство. По отношению к нему вполне уместны слова В.П. Воронцова, писавшего в 1905 г., что «индивидуальный ум нельзя понять вне общественной среды», но «и общество нельзя понять вне деятельности индивидуального ума» [8,37].

Литература

1. Книга о скудости и богатстве И.Т. Посошкова. М., 1937.
2. *Зайцева Л.И.* Россия державная. Первый русский экономист и мыслитель — Иван Тихонович Посошков. М., 1995.
3. *Инишаков О.В.* Единство рутины и новации в контексте хозяйственной эволюции // Вестник университета. Сер. Институциональная экономика / ГУУ. 2001. №1(2).
4. *Инишаков О.В.* Экономика развития — модель хозяйства будущего // Вестн. Волгоградск. ун-та. Сер. 3. Экономика. Экология. 2001. Вып. 6.
5. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951.
6. Всемирная история экономической мысли. В 6 т. Т. 1. М., 1987.
7. *Львов Д.С.* Экономика развития. М., 2002.
8. *Николай-он.* Наше общественное пробуждение с социально-экономической точки зрения // Русское богатство. 1905. №6.